

Якуб Колас смеется, заботится, помогает...

В эту литературную композицию вошли воспоминания писателей, ученых, актеров, одним словом, тех, кто хорошо знал великого мастера художественного слова, общественного деятеля, ученого. Через завесу времени проступают живые черты дядьки Якуба — простого, мудрого, веселого и остроумного, чуткого и отзывчивого человека, проступает то, что делает классика близким и понятным нам, его благодарным потомкам.

Не один раз мы встречались

Как и многим моим друзьям, мне посчастливилось встречаться с Константином Михайловичем, Якубом Коласом, на наших пленумах, съездах, в его гостеприимном доме за дружеским столом, за дружеской беседой. Особенно запомнились наши встречи на Нарочи, где Константин Михайлович бывал и гостил у своего давнего и замечательного друга Михася Лынькова. Михась Тихонович обычно собирал нашу компанию — Аркадия Кулешова, меня — садил в свою бригантину-лодку, брал рыболовные снасти, и мы выезжали на «добычу». Правда, чаще не рыбу ловили, а разговаривали, вспоминали. Но чтобы не возвращаться с пустой лодкой, мы загружали ее смолем и корягами, которые потом шли в ход, когда мы разводили костер на берегу озера. Костер этот обладал большой притягательной силой, потому что не успевали его разжечь, как возле него собирались прохожие, соседи, которые узнавали, что здесь гостит Якуб Колас. Помню, однажды к костру мальчишки принесли полное ведро раков, которых мы у них и купили. Я поинтересовался у них, кто читал произведения Якуба Коласа. Приятно было услышать, что ребята знали многие стихи народного поэта.

Почти с рождения дети слушают произведения классиков, а потому увлекаются ими. Когда я сказал, что на веранде сидит Якуб Колас и о чем-то размышляет, мальчишки долго стояли, смотрели на него, а потом медленно, на цыпочках, вышли со двора, оглядываясь, словно боялись нарушить его мысли, спокойствие и чтобы на всю жизнь, видимо, сохранить образ поэта в своем сердце, в своих глазах...

Максим Танк

Про бычка

— Что случилось, Константин Михайлович?

— Беда, брат! Прямо и не знаю, как от этой беды избавиться! И все из-за этого бычка. Что ты думаешь, забот с ним не оберешься. Повез этого бычка на

¹ В начале 30-х годов прошлого столетия в Минске были трудности с продуктами, и семья Коласа купила корову. Та корова и родила бычка.

прошлой неделе на бойню. Извозчика специально для этого нанял. Усадил бычка в сани, как хорошего пана. Привез, на бойню отвел. Так и так, говорю. Прошу зарезать. Тут подошел ветеринар скотобойни, осмотрел бычка, на зубы глянул, хвост покрутил да и говорит мне: «Ничего, гражданин, с вашим бычком не выйдет, не подлежит он под нож по закону, потому что племенной он». Сказал и ждет, на карман мой глаза пялит... Нет, думаю, кукиш с маслом ты от меня получишь, не буду я взятками душу свою мозолить...

И вот где-то через неделю приходит к нам Константин Михайлович, веселый, радостный, взволнованный:

— Нет бычка. Свободный я теперь человек, братья. Хоть вздохну теперь легче, это же такая напасть свалилась на мою голову, что и представить трудно. Вот избавился от этой беды и, верьте не верьте, человеком себя почувствовал. И что вы думаете, и мне хорошо, и, видимо, бычку тоже неплохо, попал в заботливые руки. Приезжали недавно крестьяне — знакомые ребята — дрова на склад возили. Я и надумался продать им бычка. Целый час уговаривал. Да куда там... Посмеялись немного надо мной: какой, говорят, дурак будет твоего бычка покупать, пускай и племенного. Думал я, думал, а на другой день встретил их и предложил им взять бычка бесплатно, уломал все-таки, уговорил. Ну, приплатил немного, угостил... Слава Богу, взяли бычка...

Михась Лыньков

С дедом Талашом

Очень взволновала Коласа встреча с героем его повести «Дрыгва» — дедом Талашом, которого самолетом привезли с глубокого Полесья, из партизанской зоны. Я присутствовал во время их встречи. Это было в небольшом номере гостиницы «Москва», куда тогда поселили Талаша. Они обнялись и поцеловались, как родные, и я заметил, что дядька Якуб с гордостью осматривает еще довольно крепкую коренастую фигуру деда. Колас даже сказал в шутку:

— А ну, давай попробуем, кто кого перетянет. — И он зацепил указательным пальцем за такой же палец Талаша. — Ого! Так ведь дедка еще сильнее меня! — смеялся Колас, когда заметил, что тот не поддается.

А дед Талаш, хотя и столетний, но еще живо реагировал на шутку:

— А что ты думал, слабаки с фрицами бьются? Вот только что-то обо мне ты мало стал писать. — Деду и на самом деле понравилось, что благодаря Коласу он стал таким известным; а славы ему, видимо, еще хотелось...

— Ну подожди, подожди, напишу еще, — успокаивал его Колас. — А ты вот лучше расскажи, как ты жил там без нас и с фрицами боролся?..

Петрусь Бровка

«...И целуйся ты с ним»

Колас ненавидел всякую ложь, никому не прощал неискренность... Один ответственный работник дважды подвел его — пообещал исполнить какие-то просьбы, но ничего не сделал, — и Колас навсегда утратил уважение к нему. Я помню, что однажды, когда речь зашла об этом работнике и один писатель стал горячо доказывать, что это очень хороший, отзывчивый человек, Колас оборвал его:

— Ну тогда, брат, и целуйся ты с ним. А нас не принуждай!..

Иван Шамякин

* * *

Слушал дядька Колас внимательно, по-хозяйски пытливо смотрел из-за своего письменного стола на еще одного, который вот тоже, говорят, очень хочет присоединиться к большому делу. Когда же я закончил со служебной обстоятельностью и неслужебным волнением излагать ему редакционную просьбу, он помолчал еще немного, озадачив меня своей — показалось — недовольной нахмуренностью, и наконец произнес:

— Дождя столько времени нет... И что это, парень, будет?..

Признаться, меня сначала удивила и даже разочаровала такая простота и проза. Не сразу я понял, сколько в этой его обеспокоенности народной души, не сразу представил его горькое размышление в бессонную ночь, румяный рассвет над шершавой зеленью сосновых верхушек и слова, которые не произносились в часы старческого одиночества...

Янка Брыль

Сюрпризы

Любил он помогать людям. К нему часто обращались с просьбами, даже надоедали. А бывало и так, что Якуб Колас понимал сам, видел сам, в чем человек нуждается, и вдруг совсем неожиданно эта помощь приходила. И я вам скажу, любил он такие сюрпризы. Бывало, сделает такое (человек даже не знал, не ожидал), а потом с хорошей дедовской улыбкой посматривает. И трудно было определить, кому более приятно — или тому, кому он помог, или ему самому.

Андрей Макаёнок

Игра в кегли

И Тишка Гартный, и Якуб Колас, и все остальные, играя в кегли, шутили.

Своей непосредственностью выделялся Тишка Гартный. Когда игру приходилось начинать Якубу Коласу, он подшучивал:

Якуб Колас и дед Талаш с офицерами Красной Армии. Москва, 1943 г.

— А ну, Кастусь, размахнись. Кати с размаху, из-за плеча. Покажи, какой ты ловкач...

— Мне нечего показывать, — отвечал Якуб Колас. — Что-то издали я плохо вижу кегли. Вот если бы в лысину какую-либо целить, то, наверное, попал бы. Микола, — обращался он ко мне, — поставь там, знаешь какую, фигуру...

Тишка Гартный не умел пропускать шутку:

— Посмеялся горшок над котлом... Такой уж ты, Кастусь, кудрявый...

Микола Хведорович

«С моим Данилой боролся?»

В валенках, в ватнике, в ушанке пришел он в гостиницу «Якорь», где тогда жили некоторые белорусские писатели, сотрудники газеты «Савецкая Беларусь» и сатирической газеты-плаката «Раздавім фашысцкую гадзіну».

Встретив меня, дядька Якуб хитро улыбнулся и спросил:

— Говорят, что ты с моим Данилой боролся?

— Боролся.

— А повалил ли?

— Нет, не повалил, — отвечаю. — Но и Ваш Данила меня не повалил.

— Вот как! — словно удивился Колас. — Иди сюда. Садись. — И сам присел на стул возле стола. — Давай руку. Ставь на локоть. Так. Хорошо. Давай бороться. — Начал пригибать мою руку к столу. — Эп! Готово! Победил, поборол я тебя, Антось!..

Мне было приятно видеть, как, словно мальчишка, радуется дядька Якуб: щеки порозовели, глаза засветились...

Антон Белевич

«Отдадите, когда буду беден я»

Эпистолярное наследие Якуба Коласа весьма богато и содержательно. Конечно, среди множества писем к нему были и курьезные. Помнится, как в конце 40-х годов прошлого столетия из Западной Белоруссии было получено письмо в таком телеграфном стиле: «Глубокоуважаемый Константин Михайлович! Мне надо купить лошадь. Вышлите четыре тысячи рублей. Вот и всё». Далее шла подпись. Ответ был такой: «Уважаемый товарищ! Вступайте в колхоз. Будете обеспечены лошадью. Вот и всё. Якуб Колас». Но вот к моему отцу обращается больной человек. Просит помочь. Обещает, что, как только выздоровеет, тотчас же вернет долг. Выслав соответствующую сумму, Колас пишет: «Поправляйтесь, становитесь на ноги. Отдадите, когда буду беден я».

Данцла Мицкевич

Индийская философия

В 1947 году (с 21 по 26 июля) был создан республиканский семинар молодых писателей. В то время я зачитывался произведениями Рабиндраната Тагора. И хотя я начал писать басни, значительную дань отдавал лирике. Вероятно, под влиянием индийского писателя моя лирика приобретала какую-то «философскую» склонность. Один из таких опусов я накануне совещания послал Якубу Коласу. Назывался этот опус «Солнце и труд». И вот здесь, на одном из

семинарских занятий, при всем, как говорят, народе поднялся Якуб Колас и спросил:

— А здесь ли Эдуард Волосевич?

— Здесь, — растерянно пробормотал я (даже в жар меня бросило).

— Вот стихотворение вы мне прислали. Тут какая-то индийская философия... Я подумал, что вам лет семьдесят, а вы совсем еще молодой человек. Откуда эта углубленность? Басни у вас более реалистичные, от жизни. Тут, видимо, ваше призвание.

Эдуард Волосевич

Министр грибного министерства

Я сообщил Якубу Коласу, что скоро у нас будет пленум обкома партии, на котором мы обсудим вопрос о заготовке сельскохозяйственных продуктов... И вдруг Колас сказал: «А можно ли мне присутствовать на этом пленуме?» Я тотчас выписал ему билет. Якуб Колас пришел за полчаса до заседания. Внимательно слушал доклад, прения. А во время перерыва шутя сказал: «Дело обговорили хорошо, но вот если решите организовать грибное министерство, то сделайте меня министром».

Петр Левицкий¹

Конфеты

«Сходи, Аленка, в мою комнату и в нижнем ящике письменного стола возьми конфеты. Принеси детям».

Так не раз подзывал меня в Королищевичах Константин Михайлович, вернувшись из Минска, куда он отлучался к врачам или по каким-то другим делам. Он никогда не возвращался без конфет и лакомств для всех детей, которые там отдыхали в это время со своими родителями-писателями.

Алена Василевич

Про быка в науке

Константину Михайловичу как вице-президенту Академии наук представляли аспирантов. Был среди них высокий, плечистый крепыш. Обрадовавшись (Коласа вблизи он видел едва не впервые), парень поздоровался со всей прямоотой сильного человека.

Константин Михайлович мгновенно выхватил большую руку, помахал ею в воздухе и невольно чертыхнулся, искренне, по-николаевски. Подув на отдавленные пальцы, добавил:

— И берут же таких быков в науку!

Каменистый грунт

Речь на XXII съезде КПБ готовилась долго и переписывалась несколько раз. Потом делались вставки, дополнения. Перед выступлением Константин Михай-

¹ Партийный и государственный деятель.

Якуб Колас среди земляков.

лович волновался, но приехал с заседания радостным: делегаты встретили доброжелательно.

— Особенно хорошо заключительные слова приняли, — делился впечатлениями писатель.

А в заключение он сказал: «Разрешите мне, товарищи, сойти с этой трибуны с доброй надеждой, что мое слово об очистке от камней нашей земли не попало на бесплодный каменистый грунт».

Максим Лужанин

Благодарность

— Рад за тебя, рад от души... Якуб Колас сегодня был у нас и отвоевал для всех молодых писателей персональные стипендии. И ты в этом списке, — сказал П. Капоевич.

Мне не верилось. Откуда Якуб Колас мог знать, что я иногда печатаю стихи, и можно ли за эти стихи дать персональную стипендию? Позже мне рассказали, что писатели А. Вольный и И. Барашка послали в приемную комиссию характеристику от литературной организации «Маладняк» и газеты «Чырвоная змена» и даже говорили насчет меня с Коласом.

Теперь я уже все время искал удобный момент, чтобы поблагодарить писателя за его хлопоты. Однажды в коридоре техникума я встретил Якуба Коласа и, покраснев, стал благодарить его.

— Ты старайся учиться и хорошо писать, этим отблагодаришь государство, а не меня, — перебил меня Колас.

Станислав Шушкевич

«Я полностью обеспеченный человек»

Константин Михайлович всегда знал, кому и чем помочь, знал, как это сделать. Случайно я узнала, как он ежемесячно посылал деньги тем, кому считал необходимым оказать помощь. Несколько раз в трудное для меня время он присы-

Михась Лыньков, Якуб Колас, Петрусь Бровка. Королицевичи, 1951 г.

дал деньги и мне с такой шуточной припиской: «Дорогая Таня! Посылаю, сколько могу. Торопиться возвращать не надо. Буду беден, тогда поддержите».

В письме от 19 июля 1953 года Константин Михайлович деликатно отказывался, чтобы я возвращала долг.

«Дорогая Татьяна Ивановна!

В дальнейшем подобных высылки не делайте: я полностью обеспеченный человек, и не только я, но и мои сыновья.

Пишите мне вообще — мне будет очень приятно прочитать письма дочери профессора Ивана Ивановича Замотина, которого я люблю и уважаю».

*Татьяна Замотина*¹

Депутатские заботы

Константин Михайлович придавал очень большое значение работе с письмами. А их он, депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета БССР, всегда получал много. Я часто заставляла народного избранника за письменным столом в его небольшом кабинете... На мой вопрос: «О чем Вам пишут избиратели?» — Константин Михайлович зачитывал некоторые из писем. Это были самые обычные письма. В одном избиратели писали о председателе колхоза, который часто заглядывает в рюмку, в другом просили помочь колхозу в приобретении автомобиля, в третьем жаловалась вдова, что ей задержали выплату пенсии, в четвертом автор хотел встретиться со своим депутатом и при встрече обещал все изложить, всю обиду. И Константину Михайловичу до всего было дело, все его интересовало и волновало. Сам он навещал избирателей, решал дела на месте, заботился, ставил вопросы перед соответствующими организациями, высылал свои деньги тем, кто в них очень нуждался.

*Александра Ус*²

¹ Дочь профессора Ивана Замотина, с которым Колас работал в БГУ.

² Журналист, многолетний редактор журнала «Работніца і сялянка».

В больнице

Со всем персоналом больницы Константин Михайлович был очень прост и скромен. Мы никогда не замечали в нем раздражительности, придиричivosti или повышенной требовательности. Всегда спокойный и вежливый, горячо благодарил обслуживающий персонал за самую незначительную услугу. А когда покидал стационар, выносил всем письменную благодарность. Особенно внимателен был Константин Михайлович к санитаркам и медсестрам — интересовался их жизнью, работой, нередко помогал им советом, теплым словом.

*Давид Абрамович*¹

О птенце на ладони

С какой гордостью и любовью он показывал нам свои посадки, среди которых, насколько я помню, были на самом деле редкие деревья. Очутившись в глухом углу сада, мы заметили то ли галчонка, то ли молодого грача со сломанным крылом. Я забыл подробности этого случая, но хорошо помню, как бережно и нежно он держал в руке птенца и чем-то кормил его. А тот чувствовал себя на его широкой теплой ладони как в своем гнезде.

*Борис Иренин*²

Дядька и племянник

Тихо отворив железную калитку, я приостановился. Меня охватил какой-то страх перед встречей с Якубом Коласом. Особенно смущала улыбка дядьки, загадочная и хитрая, что всегда гуляла в серебристых, аккуратно подстриженных усах. Дядька Якуб был острым на язык, говорил просто и метко, с прижимом в голосе, с озорной смешинкой в прищуренных глазах. Трудно было понять, где он говорит серьезно, а где шутит, и это больше всего сбивало с панталыку. Я стремился говорить крылатыми литературными выражениями. На это дядька однажды деликатно намекнул: «До чего, племянник, не дойдешь, то в книжке найдешь».

*Сымон Белья*³

На премьере

Осенью 1936 года мы начали работать над пьесой Якуба Коласа «Война войне». Где-то в конце года уже состоялась премьера, на которую приехал сам автор. Витебский зритель, когда узнал, что в зале находится Якуб Колас, был очень взволнован. Все встали и устроили ему бурную овацию. Народный поэт искренне, по-настоящему растрогался. Благодарил режиссера Дарвишева и актеров. Хвалил и меня за роль урядника Шишлы, которого я играл в этом спектакле.

*Павел Молчанов*⁴

¹ Врач поэта.

² Русский литератор, переводчик произведений Якуба Коласа.

³ Заслуженный учитель Беларуси, племянник Якуба Коласа.

⁴ Народный артист СССР.

Конокрад

В пьесе «В пущах Полесья» мне довелось исполнять роль Савки Мильгуна, деревенского конокрада. Образ сложный, противоречивый. Я очень волновался. Боялся, что не найду красок для его выражения. Боялся, может быть, потому, что с очень большим уважением относился к Коласу, к его творчеству. И, возможно, эта ответственность и заставляла меня так волноваться.

Однажды я обратился к Якубу Коласу с таким вопросом: «Скажите, ну а что мне раскрывать в нем, как подойти к нему, какой материал вы мне посоветуете просмотреть, прочитать, может быть?» Он посмотрел на меня и говорит: «Ты ведь деревенский парень. Ты ведь сельскую жизнь хорошо знаешь. В каждой деревне есть вор, видимо, и в твоей. Вот ты его видел, наблюдал за ним.

Попробуй это все...»

И вот после разговора с Коласом я вспомнил былое. Всплыло в памяти. И как раз мне пригодилось. Образ стал понятен. Но чувствую, чего-то не хватает в нем.

Я опять спрашиваю у дядьки Коласа: «Вот есть здесь конокрад, но повторить его я не могу. Да и неинтересен он. Какой-то простой, понимаете, и скучный...» А Якуб Колас говорит: «А ты еще кого-либо понаблюдай. От одного возьми, от другого возьми... Все это пускай в тебе переварится. А потом в тебе вызреет сам образ. И ты тогда его слушай...» Так я и сделал. Помогло...

*Тимох Сергейчик*¹

В Ташкенте

Великий поэт не только вдохновлял композиторов. Он вместе с тем как общественный и государственный деятель опекал музыкальные коллективы. Так, во время войны белорусская капелла очутилась в Ташкенте. Мы не знали, где правительство Белоруссии, не знали, к кому обращаться. И вдруг узнали, что в Ташкенте есть Якуб Колас. Обратились к нему. А Колас — к местным властям. Коллектив поддержали, не дали, чтобы распался. А то были уже такие мысли: разбить на бригады и послать артистов на работу в колхозы.

Рыгор Ширма

Чтобы быть хорошим учителем...

Большая радость и благодарность охватили меня, когда я получила ответ на свое письмо. Якуб Колас писал: «Милая Антонина Феликсовна! Получил Ваше письмо. Советы давать — вещь довольно трудная и ответственная, особенно когда эти советы касаются таких важных вопросов, как выбор жизненного пути. Здесь, мне кажется, надо действовать в соответствии и со своими наклонностями, к чему больше лежит сердце. Если же говорить, в какой области человек может быть очень полезным для других, то такой областью я назвал бы работу и деятельность сельского учителя. Но чтобы быть хорошим учителем, необходимо широкое общее образование и специальное педагогическое, чтобы уметь воспитывать маленьких людей, которые станут взрослыми и будут строить жизнь. Надо любить таких людей, любить труд, прививать любовь к труду и честное отношение к жизни и людям...»

*Антонина Харкевич*²

Материал подготовил Иван КУРБЕКО.
Перевод с белорусского Михаила ЖУРАВИНЫ.

¹ Народный артист БССР.

² Учительница, бывший научный сотрудник Института литературы НАН Беларуси.